

Т е м а н о м е р а : Состояние социальных слоёв и групп в регионах современной России

Интеллигенция в региональном пространстве современного российского общества: динамика развития

Голенкова Зинаида Тихоновна –
доктор философских наук, профессор,
руководитель Центра исследования социальной
структуры и социального расслоения,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: golenko@isras.ru

Игитханян Елена Давыдовна –
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

Интеллигенция в региональном пространстве современного российского общества: динамика развития

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.409

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с анализом функционирования такой социальной группы, как интеллигенция, которая в данном контексте предстаёт в качестве категории «специалист». В западной литературе чаще используется термин интеллектual, что подразумевает специалиста творческой профессии. Изучаются основные направления формирования статусных характеристик, динамики стратегий и ориентаций в различных сферах жизнедеятельности, степени включённости в систему рыночных отношений, особенностей трудовой миграционной мобильности этой группы. Она, безусловно, является резервом среднего класса, но пока ещё не реальной его составляющей. Внимание уделяется и анализу таких понятий, как социальное равенство, свобода, безработица. Подчёркивается, что в новой российской действительности трансформируются не только социальные ориентиры опрошенных, но и их социально-психологическое самочувствие. Рассмотренные процессы происходят на определённом социальном пространстве, в качестве которого представлена республика Бурятия, регион Российской Федерации (Южный Федеральный Округ). Обращение к региональному анализу – существенная ступень в развитии современных исследований, ибо только на этой основе возможно понимание объективного состояния как социальной структуры в целом, так и отдельных социальных субъектов, их взаимопроникновение и иерархия.

Ключевые слова: интеллигенция, специалист, социальный статус, рынок труда, социальная адаптация, мобильность, материальное положение

Изучение стратификационной модели современного российского общества – задача достаточно сложная и неоднозначная. Во-первых, трансформационные процессы, которые произошли в социально-экономическом, политическом и социокультурном пространстве страны, определили качественные изменения в положении классов, социальных групп и слоёв. Развитие социальной структуры в России – системный процесс, основные его слагаемые – это и трансформация, и модернизация прежних социальных классов, и возникновение новых, их взаимопроникновение и иерархия. Во-вторых, большое внимание уделяется становлению таких общностей, как наёмные работники (92,7% занятых в экономике) и собственники (7,3%), их статусным позициям, адаптивному потенциалу [Наёмный работник... 2015]. В-третьих, особое, пристальное внимание обращается на формирование среднего класса, средних слоёв, их социальной значимости [Беляева 2001].

Таким образом, в «тени» остаются те социальные категории, которые, с одной стороны, являются элементами прежних советских и позднесоветских социально-структурных отношений, а с другой – существуют и ныне. Правда, необходимо отметить, что такая массовая категория, как рабочие, привлекает к себе достаточно пристальное внимание и находит реальное отражение в научных изданиях [Голенкова, Игитханян 2012: 44–55]. Интеллигенция же вызывает к себе меньший интерес, чем раньше. Однако она не исчезла, не «растворилась» в общей массе занятого населения, не перестала быть субъектом и объектом изучения. Речь может идти только об уточнении самого понятия «интеллигенция» в современных условиях.

Обратимся к этимологии этого термина. Интеллигенция (от латинского *intelligens*) – специалист (мы не приводим других определений, их множество). В западной литературе чаще используется термин интеллеktуал, что подразумевает специалиста творческой профессии.

Обратимся к данным государственной статистики. Эта группа в конце 1980-х гг. составляла 28,6% занятых в народном хозяйстве. К специалистам были отнесены лица с высшим и средним специальным образованием [Народное хозяйство... 1989: 34, 47]. В 2014 г. специалисты с высшим образованием составляли 20,3% занятых в экономике; со средним специальным – 15,2% (всего 35,5%). По сравнению с позднесоветским периодом доля специалистов увеличилась в 1,2 раза. Если более детально рассмотреть занятость специалистов, анализируя их распределение по группам специальностей, то наибольшая доля принадлежит естественным и техническим наукам. Средний возраст специалистов высшего уровня квалификации составляет 40,5 лет; среднего – 40,2 года. Возраст занятых в экономике в целом по стране – 40,3 года. Так что удельный вес интеллигенции в составе занятого населения страны достаточно представлен – более трети [Труд и занятость... 2015: 60–61].

В то же время в 2014 г. потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест по группам специальностей с высшим образованием составила 185,6 тыс. человек, со средним – 139,3 тыс. Наибольшая потребность в обеих группах – в специалистах сферы естественных и инженерных наук [Труд и занятость... 2015: 167].

Остановимся более подробно на изучении основных направлений формирования статусных характеристик интеллигенции (специалистов) в современных условиях социального пространства страны¹.

¹ Информационной базой послужили следующие источники: 1). Анализ данных эмпирического исследования, проведенного в 2015 г. в Республике Бурятия Д. Бадараевым (Улан-Удэ). Использовалась квотная маршрутная выборка среди работающего населения. Выборочная совокупность всех опрошенных составила 904 человека, анализируемая группа – 365 человек. 2). Анализ данных Росстата.

Основными проблемами развития изучаемой совокупности явились следующие:

- динамика основных стратегий и ориентаций в сфере труда;
- степень включённости в систему рыночных отношений;
- адаптационные ресурсы жизнедеятельности;
- отношение к таким понятиям, как социальное равенство, свобода;
- особенности мобильности.

Рассмотрим вначале, каким образом общие институциональные изменения в сфере труда оказывают непосредственное влияние на становление статусных позиций специалистов. Несомненно, что в конкретной социально-трудовой ситуации формируются определённые стереотипы. В исследовании зафиксированы мнения специалистов о значении работы в их жизни [Социальные проблемы... 2009].

Обращение к этой проблеме, вообще к рынку труда, представляется своевременным и актуальным. Именно в этой сфере жизнедеятельности субъекта отражаются его адаптационный потенциал, социальное самочувствие и многие другие характеристики. Были предложены следующие альтернативы: работа как универсальная ценность («она важна сама по себе, независимо от оплаты»); как материальная ценность – способ получения средств к существованию; как антиценность («если бы мог, вообще бы не работал»); как фактор социального взаимодействия; как амбиция, осуществление своих планов.

Доминирующими факторами (мы определили три важнейшие позиции) явились: (1) – материальный ресурс (это и очевидно, ибо процесс труда как процесс затраты пропорциональных способностей, физических усилий и нервно-психологических нагрузок требует материальных компенсаций); (2) – универсальность; (3) – амбициозность.

В целом опрошенные удовлетворены своей работой. Оценивая ответы по пятибалльной шкале, большинство респондентов отметили баллы 3 и 4. Причём более 40% работу менять не собираются.

При анализе проблем, связанных с мотивационными характеристиками трудовой занятости, необходимо отметить и появление дополнительных видов занятости. Этот феномен приобрёл роль важного адаптационного ресурса прежде всего потому, что рыночное производство нуждается в мобильности работника, способного при необходимости переходить от одного вида труда к другому, с одного места работы на иное, более приемлемое для субъекта, к какой бы социальной группе он ни принадлежал. Примерно треть представителей анализируемой группы имеют дополнительную занятость, и почти столько же её ищут. Основными мотивами являются необходимость приобретения новых знаний, повышение квалификации, способ получения более стабильного дохода [Левит 2014: 20–22].

Основные проблемы развития современной интеллигенции: динамика основных стратегий и ориентаций в сфере труда; степень включённости в систему рыночных отношений; адаптационные ресурсы жизнедеятельности; отношение к таким понятиям, как социальное равенство, свобода, особенности мобильности.

В целом опрошенные удовлетворены своей работой. Оценивая ответы по пятибалльной шкале, большинство респондентов отметили баллы 3 и 4. Причём более 40% работу менять не собираются.

Примерно треть представителей анализируемой группы имеют дополнительную занятость, и почти столько же её ищут. Основными мотивами являются необходимость приобретения новых знаний, повышение квалификации, способ получения более стабильного дохода.

Различные формы экономической занятости, в том числе и дополнительной, являются своеобразным буфером между полной занятостью и безработицей [Голенкова, Игитханян 2001]. По общероссийским данным, доля безработных среди специалистов высшего уровня квалификации составила 5,4%; среднего – 7,2% [Труд и занятость... 2015: 83]. По данным исследования, в состоянии безработных в прошлом были почти треть опрошенных. Таким образом, говорить о возможной депрофессионализации специалистов не приходится. Хотя речь идёт о предполагаемой ситуации, а не реальной.

Существенным фактором, воздействующим на определённые аспекты трудового поведения опрошенных, является возможность социально-профессиональной мобильности (или её отсутствие). На вопрос о том, есть ли перспективы повышения в должности и вообще продвижения по службе в той организации, где они работают, почти 30% респондентов ответили, что «имеются значительные возможности»; на повышение оклада ориентированы всего лишь 13,4%.

Существенным фактором, определяющим жизнедеятельность человека, принадлежащего к той или иной социальной группе или слою, является самооценка его материального положения. Для рыночной экономики характерно появление изменений в механизмах регулирования дохода, его величины, имущественной дистанции не только между различными социальными группами, но и внутри них. В исследовании был разработан блок показателей «материальное положение», включающий различные характеристики уровня доходов специалистов. Все опрошенные были объединены в три доходных сегмента: бедные, среднеобеспеченные, состоятельные. Бедные характеризовались наличием минимальных средств для приобретения элементарно необходимых товаров и продуктов питания. Среднеобеспеченные имели в наличии средства для приобретения необходимых продуктов питания и одежды. Для приобретения дорогих товаров они вынуждены пользоваться кредитом или брать в долг. Состоятельные располагают средствами, позволяющими им покупку дорогих товаров («могут ни в чём себе не отказывать»). Данные исследования свидетельствуют о том, что доля первой категории опрошенных (бедные) составила 25,4%; доля второй (среднеобеспеченные) – 61,7%; третьей (состоятельные) – 5%. Остальные затруднились с ответом. В целом тенденция достаточно типична: преобладание лиц, которых можно отнести к слою среднеобеспеченных.

Специалисты имеют востребованную профессию, профессиональный опыт, включены в рыночную реальность. На вопрос о том, изменилось ли за последние пять лет их материальное положение, более трети ответили, что оно улучшилось (36,3%), примерно столько же – что осталось без изменений и лишь 10% отметили ухудшение, остальные затруднились

Почти 30% респондентов ответили, что «имеются значительные возможности» повышения в должности и вообще продвижения по службе в той организации, где они работают; на повышение оклада ориентированы всего лишь 13,4%.

Данные исследования свидетельствуют о том, что доля категории «бедные» составила 25,4%; доля среднеобеспеченных – 61,7%; состоятельных – 5%. Остальные затруднились с ответом.

с ответом. В то же время, говоря об удовлетворённости своим материальным положением, опрошенные оценили её в 3 балла по пятибалльной шкале (от «полностью удовлетворён» до «совсем не удовлетворён»). Что касается владения какой-либо собственностью, то это в основном приватизированная квартира и небольшой участок земли. Итак, оценивая материальное положение специалиста, можно отметить стандартный набор предметов, находящихся в их собственности, и стандартное состояние семейного бюджета, дохода.

Рассуждая об адаптационных возможностях опрошенных (процесс адаптации длительный и сложный), необходимо отметить многие позиции, прежде всего оценку ими своего личного «выживания». Мы имеем в виду уверенность/неуверенность в завтрашнем дне, реализацию/нереализацию жизненных планов. Большинство специалистов в этом уверены (45,2%); неуверенных немного (9,2%). Остальные «не совсем уверены», вообще «ничего не планируют» или «затруднились с ответом». Сказать, что отношение к жизненной ситуации полно оптимизма или пессимизма, нельзя. Оно в достаточной степени сдержанно-оптимистическое.

Для современной России, её диалектического развития в настоящем времени чрезвычайно актуальными являются исследования реальных процессов, связанных со структурой неравных позиций (социальных неравенств) личности, группы, слоя, класса, а также понимание свободы личности [Социальное неравенство... 2007]. Социальные неравенства проявляются в стратегических, важных и для общества, и для отдельного индивида сферах жизнедеятельности. В исследовании зафиксировано неравенство в оплате труда и получении качественного образования. Неравенство в оплате труда фиксируют 57,8% респондентов (не фиксируют 23,8%, остальные затруднились с ответом), в получении качественного образования – 27,4 и 47,1%, соответственно. В понимании социального равенства и свободы перекрещиваются два начала. С одной стороны – понимание социального равенства, приоритетом которого должно быть справедливое распределение материальных благ, социального капитала, накопленных прежними поколениями. С другой стороны, особенно у молодых когорт и экономически преуспевающих социальных групп, формируется особый менталитет работника, понимание того, что в современной российской действительности существует реальная возможность свободно устраивать свою жизнь, трудиться, работать, зарабатывать деньги и т. д., что даёт свободу каждому отдельному человеку.

Таким образом, в настоящее время формируется новый социально-экономический, политический и социокультурный фон в современном российском обществе, учитывающий новые, социально-экономические цели: иметь возможность трудиться, максимально проявлять энергию социального действия, соответствовать основным принципам рыночных отношений.

Сказать, что отношение интеллигенции к жизненной ситуации полно оптимизма или пессимизма, нельзя. Оно в достаточной степени сдержанно-оптимистическое.

Интеллигенция (специалисты), выделенная нами в особую социальную группу, предстаёт в значительном разнообразии образцов жизненно ориентированного поведения. Выше мы рассмотрели определённые типы трудовых мотивационных начал в её жизнедеятельности, теперь рассмотрим ориентиры в более широком социальном контексте.

Мы выделили основные типы жизненной ориентации. Первый – *стабильный* (21,8%). К нему относятся те, кто уже самодостаточен, получил всё, что хотел, на большее не претендует. Второй – *деятельный* (29,5%) – отражает стремление индивида испытывать риски, напряжённость в своей жизни. Для его представителей это состояние естественно, ибо жизнь – непрерывная борьба за существование с неизбежными рисками и их последствиями. Третий – *инновационно-ценностный* (19,0%). Принадлежащие к нему стремятся к самосовершенствованию, к реализации своих желаний, потенций и способностей в самых различных сферах – трудовой, социально-политической, социокультурной. Четвёртый – *прагматичный* («хочу быть богатым», 18,2%). Пятый – *идеалистический* («хочу жить и работать на пользу своему народу и государству», 12,2%). Нетрудно заметить, что перечисленные типы отражают реальные потребности. Первый – потребность в выживании, второй – в эмоциональном удовлетворении, третий – в самоутверждении, четвёртый – в получении финансового благополучия, пятый – в ощущении альтруизма («вселенская любовь»).

Таким образом, меняются не только социальные ориентиры российской интеллигенции, в новой реальности трансформируется их социально-психологическое самочувствие. Как мы отметили выше, в контексте социальной напряжённости, когда существенным вектором жизненного развития становится «опора на собственные силы» (на себя, родных, близких), человек всё больше и глубже идентифицирует себя именно с близкими людьми. Семья и вообще родственные связи – та социальная общность, где в основном концентрируются интересы и потребности. В результате человек ощущает себя плохо защищённым государством и зависимым исключительно от своего индивидуально-личностного потенциала, от рыночной конъюнктуры и степени своей адаптации. Одним словом, ситуация достаточно непростая. Опрошенные специалисты остро реагируют на проявления объективной социальной напряжённости, существующей в настоящее время в стране, и во многом эти тревоги проявляются если не трагически, то в достаточной степени драматично.

Остановимся теперь на проблеме, характеризующей особенности перспективной трудовой миграции изучаемой нами социальной группы [Мигранты... 2009]. По общероссийским данным, в 2012 г. на работу за границу выехали около 20 тыс. специалистов, или 30,8% из числа всех российских специалистов (в 2005 г. – 27,5%). Наибольшую долю составили специалисты из

Основные типы жизненной ориентации: первый – *стабильный* (21,8%, кто уже самодостаточен); второй – *деятельный* (29,5%, стремление индивида испытывать риски, напряжённость в своей жизни); третий – *инновационно-ценностный* (19,0%, стремление к самосовершенствованию); четвёртый – *прагматичный* (18,2%, «хочу быть богатым»); пятый – *идеалистический* (12,2%, «хочу жить и работать на пользу своему народу и государству»).

области техники и технологии, затем – культуры и искусства. Из них высшее профессиональное образование имели 26614 человек (увеличение с 2005 г. в 1,3 раза), среднее специальное – 23362 человек, (некоторое уменьшение по сравнению с 2005 г.) [Труд и занятость... 2013: 346–347]. Следует отметить, что среди специалистов высока доля ориентированных на изменения. В данном случае речь идёт о таких факторах, как реальные возможности работника, имеющего профессиональное образование (высшее, неполное высшее, бакалавриат, среднее специальное), адаптироваться на рынке труда в сложных экономических условиях. Именно в этой ситуации институт образования выступает регулятором трудовой мобильности, а производное от этой мобильности – территориальная подвижность занятых. Принципиальным является также и ресурс социального окружения.

Поскольку каждый человек интегрирован в реалии локальной жизни как её непосредственный участник, то формируются самые разнообразные сети социального сообщества, где он взаимодействует с членами этого сообщества – друзьями, соседями, коллегами. Значимость взаимодействия безусловна, ибо, как и любой общественный процесс, трудовая мобильность в самых различных её видах определяется функционированием не только внутренних механизмов, но и внешней средой, спецификой её развития, особенностями того социума, куда индивид включён. Как живут семьи, люди, окружающие его, в чём источник их материального благополучия или неблагополучия – всё это самым непосредственным образом влияет на поведенческие стратегии человека.

Респондентам задавался вопрос: «Как Вам кажется, большинство Ваших друзей, соседей, сослуживцев живут материально благополучнее, менее благополучно, так же, как и Вы?». Конечно, определить, «кто я и кто они» в плане материального достатка, сложно. Речь может идти только о предположаемом, визуальном соотношении. Да и вообще, бедность и богатство по-русски – явления достаточно уникальные, особенно в сравнительном контексте. Тем не менее, стремление преодолеть сопротивление социальной среды, сложившиеся стандарты и ценности – принципиальный фактор в оценке своей жизни и путей формирования определённых способов существования. Данные свидетельствуют о том, что, по оценкам респондентов, их социальная среда в основном такая же «малоимущая», как и они сами (от 60 до 80% их окружения). Правда, до 20% (в основном, когда речь идёт о коллегах) живут лучше. Одним из факторов возможного изменения (конечно, не радикального, достаточно относительного) жизненной ситуации, экономических условий бытия является миграционная мобильность социальных групп населения.

Каковы направления предполагаемой миграции? Прежде всего, конечно, – Москва, столица, где может начаться новая жизнь; а также вообще уехать из России; переехать

По оценкам респондентов, их социальная среда в основном такая же «малоимущая», как и они сами (от 60 до 80% их окружения). Правда, до 20% (в основном, когда речь идёт о коллегах) живут лучше.

в другую область; мигрировать в пространстве своей области. Рисунок предполагаемых маршрутов определён: столица – заграница – крупные областные центры.

Вхождение в новый социум для любого человека существенно изменяет его жизнедеятельность. Здесь важен потенциал его адаптационного ресурса или хотя бы представление о том, каковы факторы, способствующие формированию соответствующих форм жизнедеятельности на новом месте.

Для познания социальных реалий современного российского общества (как бы оно ни называлось: транзитивное, модернизационное, переходное и т. д.) принципиальным является изучение самых различных социальных групп, выявление типологических характеристик этих групп, связей и отношений внутри формирующегося социального пространства. Исходя из того, что общество сегодня развивается в векторе социальной стратификации, что в нём появляются новые социальные элементы и субэлементы, речь должна идти о формировании активных субъектов социального действия. Одновременно всё активнее начинают проявлять себя феномены группового и индивидуального сознания, в которых отражаются реально занимаемые этими общностями позиции в структурных отношениях. Одним из таких субъектов является группа интеллигенции (специалистов), социальный статус которой и её роль в обществе претерпели и продолжают претерпевать за последние десятилетия качественные изменения. Эта группа, безусловно, является резервом среднего класса в нашей стране, но пока ещё не стала реальной его составляющей. Находятся ли специалисты в «переходной стадии» и как «пойдёт процесс», сказать непросто, ибо многое зависит от внешних обстоятельств. Существенным в этих процессах является субъектность и ресурсность исследуемой группы. Необходимы определённые усилия со стороны властных структур, которым принадлежит монопольное право выбора стратегии экономического, политического и социального развития. Рассмотренные нами процессы и явления происходили и происходят в настоящее время в социальном пространстве, на определённой территории. В конкретном случае это Республика Бурятия (Сибирский федеральный округ). Обращение к региональному анализу проблем в настоящее время актуально и своевременно, потому что регионализация – существенная ступень в развитии современной жизни России. Мы постарались представить и общероссийский фон исследуемых проблем. Безусловно, их разрешение носит исторически конкретный характер. Дальнейшее изучение этих процессов, их анализ необходимо продолжить, ибо только на этой основе возможно понимание объективного состояния как социальной структуры в целом, так и отдельных социальных статусов, их взаимопроникновения и иерархии.

Для познания социальных реалий современного российского общества принципиальным является изучение самых различных социальных групп, выявление их типологических характеристик, связей и отношений в формирующемся социальном пространстве.

Библиографический список

Беляева Л. А. 2001. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia. 183 с.

Голенкова З. Т., Игитхян Е. Д. 2001. Безработные: особенности российского бытия // Социологические исследования. № 5. С. 67–76.

Голенкова З. Т., Игитхян Е. Д. 2012. Социальные группы современной России: генезис, реальность, перспективы. Монография. Palmarium (academic publishing). 136 с.

Левит С. Р. 2014. Ненаблюдаемая экономика: практика, проблемы и направления совершенствования её оценок // Вопросы статистики. № 6. С. 20–24.

Мигранты в социокультурном пространстве региона. Социологические очерки / Под ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2009. 176 с.

Наёмный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 362 с.

Народное хозяйство СССР в 1988 г. М.: Госкомстат, 1989. 766 с.

Социальное неравенство и публичная политика / Ред. кол.: Медведев В. А. (отв. ред.), Горшков М. К., Красин Ю. А. М.: Культурная Революция, 2007. 336 с.

Социальные проблемы трудовой занятости в регионах Российской Федерации. ИНАБ. № 1. М.: Институт социологии РАН, 2009. 99 с.

Труд и занятость в России. 2013: Стат. сборник. М.: Росстат, 2013. 661 с.

Труд и занятость в России. 2015: Стат. сборник. М.: Росстат, 2015. 276 с.

DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.409

Intellectuals in the Regional Space of Modern Russian Society: Development Dynamics

Golenkova Zinaida Tikhonovna

Professor, doctor of philosophical Sciences, The head of the Center for the study of social structure and social stratification, Institute of Sociology of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia. E-mail: golenko@isras.ru

Igitkhanyan Elena Davydovna

Candidate of philosophical sciences, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This article addresses issues associated with analyzing the operation of a social group known as intellectuals (“intelligentsia”), which in this particular context is presented as a category of “specialists”. The word “intellectual” is commonly used in western literature, which implies

a specialist of a creative trade. Examined are the main ways in which status characteristics are formed, strategic and orientation dynamics in various areas of life, the degree of involvement within the system of market relations, as well as the peculiarities attributed to labor migration mobility among this group. Without a doubt, it can be called a “reserve” of the middle-class, but it is not yet a true component of the latter. Attention is also paid to analyzing such concepts as social equality, freedom, unemployment. Emphasized is the fact that, within the new Russian reality, not only the social guidelines of those surveyed are transforming, but also their socio-psychological health. The processes examined occur in a certain social space, represented by the Buryatia republic, a region of the Russian Federation (in the Southern Federal District). Resorting to regional analysis is a significant step in the development of contemporary studies, for only such a basis can help us better understand the objective condition of both social structure in general, and separate social subjects, as well as their interpenetration and hierarchy.

Keywords: intellectuals, specialist, social status, labour market, social adaptation, mobility, financial situation.

References

Beliaeva L. A. Social'naja stratifikacija i sredniy klass v Rossii: 10 let postsovetского razvitiya [Social Stratification and the Middle Class in Russia: Ten Years of Post-Soviet Development]. Moscow, Academia, 2001. 183 p.

Golenkova Z. T., Igithanian E. D. Bezrobotnye: osobennosti rossijskogo bytija [Unemployed: peculiarities of Russian Life]. Sociologicheskie issledovaniya, 2001, no 5. pp. 67–76.

Golenkova Z. T., Igithanian E. D. Social'nye gruppy sovremennoy Rossii: genezis, real'nost', perspektivy [Social Groups of Modern Russia: Genesis, Reality, Perspectives]. Palmarium academic publishing, 2012. 136 p.

Levit S. R. Nenabliudaemaja ekonomika: praktika, problemy i napravleniya sovershenstvovaniya ejo ocenok [Non-observed Economy: Experience, Problems and Ways of Improving its Ratings]. Voprosy statistiki, 2014, no 6, pp. 20–24.

Migranty v sociokul'turnom prostranstve regiona. Sociologicheskie ocherki [Migrants in the Socio-cultural Environment of the Region. Sociological Essays]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Al'fa-M, 2009. 176 p.

Najomnyy rabotnik v sovremennoy Rossii [The Employee in Modern Russia]. Ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, Novy khronograf, 2015. 362 p.

Narodnoe hoziyaystvo SSSR v 1988 g. [Economy of the USSR in 1988]. Moscow, Goskomstat, 1989. 766 p.

Social'noe neravenstvo i publichnaja politika [Social Inequality and Public Policy]. Ed. by V. A. Medvedev. Moscow, Kul'turnaja Revoliucija, 2007. 336 p.

Social'nye problemy trudovoy zaniatosti v regionah Rossiyskoy Federacii [Social Problems of Employment in Russian Regions]. INAB, 2009, no 1. Moscow, IS RAS, 2009. 99 p.

Trud i zaniatost' v Rossii. Stat. sbornik – 2013 [Labor and Employment in Russia – 2013: Statistical Collection.]. Moscow, Rosstat, 2013. 661 p.

Trud i zaniatost' v Rossii. Stat. sbornik – 2015 [Labor and Employment in Russia – 2015: Statistical Collection.]. Moscow, Rosstat, 2015. 276 p.